

Дэвид Фостер УОЛЛЕС
ФЕДЕРАЕР КАК ДУХОВНЫЙ ОПЫТ
[Перевод Юлии Ниткиной]

Часть первая

Почти у каждого, кто любит теннис и следит за ним хотя бы по телевизору, в последние несколько лет случалось то, что можно назвать «Моментами Федерера». Это те моменты, когда во время просмотра игры молодого швейцарца челюсть падает, глаза вылезают из орбит, и ты издаёшь звуки, которые заставляют твоих близких прибегать, чтобы посмотреть все ли с тобой в порядке.

Эти моменты ощущаются особенно ярко, если ты хоть немного играл или играешь в теннис и способен понять невозможность того, что он делает. У каждого из нас есть примеры подобных моментов. Вот один из моих. В финале US Open-2005 Федерер подаёт в начале четвёртого сета матча против Агасси. Идёт средней продолжительности розыгрыш в форме бабочки, типичный для современной игры на задней линии. Федерер и Агасси гоняют друг друга из стороны в сторону, каждый пытается создать себе возможность нанести победный удар. И вдруг Агасси выполняет мощный диагональный бэкхенд, который заставляет Федерера сильно сместиться влево, и Федерер достаёт его, но подрезает коротко, мяч опускается в паре футов за линией подачи, что для Агасси является просто подарком, и в тот момент, когда Федерер намеревается бежать обратно к центру, Агасси добегает и бьёт по восходящему мячу, при этом направляет его в тот же самый левый угол, пытаясь поймать Федерера на противоходе. Фактически ему это удаётся – Федерер всё ещё близок к этому углу, но двигается в противоположном направлении, и мяч приземляется в той точке, которую он уже прошёл. У него нет времени развернуть тело, и Агасси входит в корт и приближается к сетке. И что делает Федерер – он каким-то образом резко меняет направление, совершает

три или четыре очень быстрых скачка и выполняет форхенд из угла бэкхенда, весь вес его тела смещён назад, и форхенд с верхним вращением попадает прямо в линию, мимо Агасси, который стоит у сетки. Он, конечно, бросается за ним, но мяч пролетает мимо, летит прямо к задней линии и приземляется точно на ней в правом углу – это чисто выигранный мяч, а Федерер все ещё движется назад, когда мяч приземляется. Наступают несколько секунд потрясённой тишины прежде, чем нью-йоркская публика взрывается, и Джон Макинрой, ведущий трансляцию для телевидения, говорит (очень похоже, что в основном себе): «Как можно выполнить такой удар из такой позиции?». И он прав. Принимая во внимание местонахождение и скорость Агасси, Федерер должен был отправить мяч в узкую зону шириной 5 сантиметров, и он это сделал, двигаясь назад, без возможности подготовить удар. Это было невозможно, это было похоже на матрицу. Не знаю, какие звуки я издавал, но моя жена сказала, что, когда она прибежала в комнату, поп-корн был рассыпан вокруг дивана, я стоял на одном колене, а глаза у меня вылезали из орбит.

Это только один пример «Моментов Федерера», к тому же увиденный исключительно по телевизору, а, честно говоря, теннис по телевизору имеет такое же отношение к живому теннису, как видео-порнография к настоящей человеческой любви.

С точки зрения горячих фактов, мне нечего сообщить вам о Федерере. В свои 25 он является лучшим из ныне живущих теннисистов, а может быть, и в истории. Биографии и профайлы имеются в изобилии. «60 минут» (тележурнал на канале CBS) делал про него передачу в прошлом году. Все, что вы хотите узнать про мистера Роджера Федерера – его происхождение, его жизнь в родном городе Базеле в Швейцарии, разумная и спокойная родительская поддержка его таланта, его юниорская карьера, проблемы с психологической устойчивостью и темпераментом, любимый юниорский тренер, то как гибель этого тренера в 2002 году одновременно и потрясла, и закалила Федерера, и помогла ему стать тем, чем он стал, 39 титулов Федерера, 8 турниров «Большого шлема», его необычно верные и зрелые отношения с девушкой, которая ездит с ним (это большая редкость для мужского тенниса) и управляет его делами (это вообще неслыханная вещь для мужского тура), его стоицизм старой школы, высокий спортивный дух, общая воспитанность, вдумчивость и щедрая благотворительность – все это легко найти, стоит только погуглить.

Эта статья в основном о зрительских ощущениях от Федерера, и основной её тезис состоит в следующем. Если вы никогда раньше не видели, как он играет, а потом видите это своими глазами на священной траве «Уимблдона» в течение двух недель жары, сменяющейся ветром и дождём, – тогда вы, вероятно, узнали то, что один водитель автобуса, развозящий прессу на «Уимблдоне», описал, как «убийственное, почти религиозное чувство». Сначала услышавшему подобную фразу покажется, что это всего-навсего литературное преувеличение, которыми очень часто пользуются люди, описывающие свои «Моменты Федерера». Но если смотреть на его игру с эстетической точки зрения, то это абсолютная правда, хотя на осознание этой правды требуется некоторое время и серьёзные наблюдения.

Красота не является целью спорта, но спорт на высшем уровне является отличным местом для выражения человеческой красоты. Соотношение спорта и красоты можно грубо сравнить с соотношением между войной и храбростью. Человеческая красота, о которой мы говорим в данном случае, это совершенно особенный вид красоты, её можно назвать кинетической. её власть и притягательность универсальны, она не имеет ничего общего ни с полом, ни с культурными нормами, но именно она позволяет человеку примириться с тем фактом, что у него есть не только душа, но и физическая оболочка.

Конечно, в мужском спорте никто не говорит о красоте или грации тела. Мужчины могут заявлять о своей любви к спорту, но эта любовь всегда выражается в символике войны – отступление и наступление, иерархия рейтингов и положений, большое количество статистики, технические анализы, племенные или националистические страсти, униформа, шум толпы, баннеры, плакаты, удары в грудь, разрисованные лица и так далее. По причинам, которые пока непонятны, люди чувствуют себя в гораздо большей безопасности, когда используют терминологию войны, чем когда используют терминологию любви. Возможно, вы тоже так считаете, в таком случае

воинственный испанец Рафаэль Надаль, со своими оголёнными бицепсами и театральными самоподхлестываниями, является для вас мужчиной из мужчин. К тому же Надаль злой гений Федерера, а ещё он большой сюрприз «Уимблдона» этого года, поскольку он грунтовый специалист, и никто не предполагал, что он пройдёт здесь так далеко. В то же самое время Федерер на всем пути до финала не дал нам никакого повода удивляться и не создал ни малейшей интриги. Он обыгрывал каждого соперника с преимуществом, которое заставило телевидение и печатную прессу забеспокоиться о том, что его матчи скучны и не могут составить конкуренцию взрыву националистических чувств, вызываемым чемпионатом мира по футболу.

И всё же мужской финал 9 июля – это просто сказка. Надаль против Федерера – это повторение финала «Ролан Гаррос», который выиграл испанец. Федерер пока в этом году проиграл всего четыре матча, но все Надалью. Правда, большинство из этих матчей происходило на грунте, который, как известно, является любимым покрытием Надалья. Любимым покрытием Федерера является трава. С другой стороны, в жару первой недели «Уимблдона» корты испеклись, как в печке, и стали медленными. К тому же надо признать, что Надаль приспособил свою грунтовую игру к траве, приблизился к задней линии на ударах с отскока, улучшил свою подачу и преодолел аллергию на игру у сетки. Он практически уничтожил Агасси в третьем круге. Итак, телезрители в экстазе – предстоит финал на Центральном корте, лайнсмены выходят на площадку в своих новых униформах от Ральфа Лорена, которые так похожи на детские морские костюмчики, и комментаторы в стеклянных кабинках практически подпрыгивают в своих креслах. Этот финал «Уимблдона» должен иметь сюжет реванша, интригу борьбы короля против цареубийцы и конфликт противостояния абсолютно разных характеров. Это страстная мужественность южной Европы против сложного бесстрастного артистизма Севера. Аполлон и Дионис. Скальпель и нож мясника. Правша и левша. Номер один и номер два в мире. Надаль, который довёл современную силовую игру на задней линии до совершенства, и человек, который полностью преобразил эту современную игру, чьи точность и разнообразие несравненны, так же, как его скорость и работа ног, но который при этом почему-то оказался беззащитен перед лицом испанца. Британский спортивный журналист, обсуждая предстоящий матч с коллегами в пресс-центре, дважды воскликнул: «Это будет война!». К тому же, всё это состоится в храме Центрального корта. Мужской финал всегда проводится в воскресенье второй недели, символическое значение этого факта «Уимблдон» подчёркивает отсутствием игр в первое воскресенье. Порывистый ветер, который сбивал парковочные знаки и переворачивал зонтики все утро, неожиданно стих за час до матча, и солнце появилось как раз в тот момент, когда на Центральном корте убирали брезент и устанавливали сетку.

Федерер и Надаль выходят под аплодисменты, ритуально кланяясь королевской ложе. Швейцарец в куртке цвета топленого молока, которую Nike придумал для него к «Уимблдону». Как ни странно, на Федерере, и только на нем, она не выглядит абсурдно в комплекте с шортами и кроссовками. Испанец обошёлся вообще без верхней одежды, так что его мускулы видны сразу же. И он, и швейцарец полностью одеты в Nike, включая одинаково повязанные головные платки с галочкой, расположенной над третьим глазом. Надаль заправляет волосы под повязку, а Федерер – нет. Постоянное приглаживание волос, свисающих на повязку – это единственная причуда Федерера, которую видят телезрители. Так же, как надалевское настойчивое игнорирование протягиваемых болл-боями между розыгрышами полотенец. Впрочем, есть и другие причуды и привычки, которые являются преимуществом живого просмотра тенниса. Федерера очень волнует то, как его куртка висит на спинке стула – он тщательно следит, чтобы на ней не было ни складочки – он делает это перед каждым матчем, и в этом есть что-то детское и неожиданно милое. Или то, как он обязательно меняет ракетку в какой-то момент второго сета. Новая всегда в одном и том же пластиковом пакете, заклеенном голубой ленточкой, которую он аккуратно снимает и всегда отдаёт болл-бою, чтобы тот её убрал. Ещё есть привычка Надалья постоянно вытаскивать свои длинные шорты из попы, когда он стучит мячиком перед подачей. И то, как он настороженно щурит глаза и переводит взгляд из стороны в сторону, когда ходит по корту, как заключённый, ожидающий удара заточкой. И ещё кое-что в подаче Федерера – если смотреть внимательно, то можно увидеть, что держа

перед собой ракетку и мяч, прежде чем начать движение для подачи, Федерер всегда помещает мяч в V-образный вырез на ракетке там, где начинается ручка. Если мяч не идеально вписывается в это отверстие, он вертит его, пока тот не влезет. Это происходит очень быстро, но всегда – и на первой подаче, и на второй.

Надаль и Федерер разминаются ровно пять минут, судья следит за временем. У этих разминок чётко установленный порядок и этикет, правда, телевидение почему-то решило, что нам это неинтересно. Центральный корт вмещает 13 000 зрителей. Ещё несколько тысяч каждый год делают одно и то же – платят входную плату у ворот, а потом собираются с припасами еды и спреями от комаров около огромного телеэкрана, установленного рядом с кортом №1. Сколько человек там собирается, можно только догадываться.

Прямо перед игрой у сетки проводится жеребьёвка, чтобы определить, кто будет подавать первым – это ещё один уимблдонский ритуал. Право бросить монетку в этом году принадлежит Уильяму Кейнсу, ему помогает судья на вышке и рефери турнира. Уильямс Кейнс – это семилетний мальчик из Кента, который перенёс рак печени в два года и как-то выжил после операции и ужасающей химиотерапии. Здесь он представляет британский фонд исследования рака. Он розовощёкий блондин по пояс Федереру. Зрители одобрительно шумят, Федерер сдержанно улыбается, Надаль с другой стороны сетки пританцовывает, как боксёр, разминая руки. Я не уверен в том, что телевидение США показывает процедуру жеребьёвки, просто не знаю, должны ли они её показывать по обязательствам, или это время отводится под рекламу. Когда Уильям уходит с корта, вновь раздаются приветствия, но они разрозненные и неорганизованные. Большая часть зрителей не понимают, что делать в данный момент. Просто когда ритуал заканчивается, наступает осознание, почему этот ребёнок являлся частью этого действия. Появляется чувство чего-то важного и одновременно какого-то неудобства по поводу перенёсшего рак ребёнка, бросавшего монетку во время жеребьёвки финала мечты. Это чувство витает в воздухе, по крайней мере, первые два сета.

Часть вторая

Красоту топ-спортсменов невозможно описать прямо или передать словами. Форхенд Федерера – это звонкий удар хлыста, его бэкхенд может быть плоским, с верхним вращением или резаным – причём подрезка совершается так, что мяч меняет форму в полёте и скользит по траве на уровне лодыжки. Скорость его подачи находится на высочайшем мировом уровне, а по разнообразию направленности и технического исполнения никто к нему не может даже приблизиться. Движение при подаче настолько гибкое и естественное, что по телевизору оно выделяется только неким угреподобным изгибом всего тела в момент контакта с мячом. Его интуиция и чувство корта кажутся неземными. И у него лучшие ноги в туре – ребёнком он был футбольным вундеркиндом. Все это правда, и при этом ничего из сказанного не объясняет и даже не передаёт то чувство, которое возникает, когда смотришь на его игру. Первое ощущение – это красота и гениальность. Чтобы это стало более понятным, придётся подойти ко всем эстетическим вопросам косвенно, например, так, как Фома Аквинский подходил к своей невыразимой сущности, пытаюсь определить её в терминах, чем она НЕ является.

Во-первых, игру Федерера невозможно понять, наблюдая её по телевизору. По крайней мере, полностью. У теле-тенниса есть свои преимущества, но в этих преимуществах скрыты недостатки. Самым главным из них является некая иллюзия близости. Замедленные теле-повторы, приближения и графика дают нам так много, что мы даже не подозреваем, что мы при этом теряем. И главной потерей является абсолютная материальность тенниса высочайшего уровня, то ощущение скорости, с которой движется мяч, а игроки принимают решения. Эту потерю легко объяснить. Во время розыгрыша телевидению важно показать весь корт так, чтобы мы видели обоих игроков и общую геометрию обмена ударами. Для этого выбираются точки обзора, которые находятся сверху и за задней линией. Таким образом, телезритель находится сверху и за кортом. Эта точка зрения укорачивает корт, что известно любому студенту. Реальный теннис – это игра трёх измерений, но на телеэкране мы видим только два. Измерение, которое теряется или, скорее, сокращается на экране – это настоящая длина корта – 78 футов (23, 77 метра) между задними линиями. Скорость, с которой мяч преодолевает это расстояние, то есть

скорость удара, в телепоказе неуловима, а при живом просмотре выглядит просто страшно. Возможно, это звучит непонятно или надуманно – тогда сходите сами на какой-нибудь профессиональный турнир, желательно на второстепенные корты на начальных раундах, где можно сидеть в нескольких метрах от боковой линии, и почувствуйте разницу. Если прежде вы смотрели теннис только по телевизору, вы просто не представляете себе, насколько сильно профессионалы бьют по мячу, насколько стремительно он летит, насколько мало времени имеет игрок, чтобы отреагировать, и насколько быстро соперники двигаются, поворачиваются, выполняют удары и переходят к следующему удару. И никто не делает все это быстрее или, точнее сказать, с большей обманчивой лёгкостью, чем Роджер Федерер.

Ещё интересно, что телепоказ в меньшей степени скрывает ум Федерера, поскольку этот ум часто можно рассмотреть в ракурсах. Федерер способен видеть или создавать сам такие точки и углы для выигранных ударов, которые не находит никто другой. И как раз телепоказ идеален для улавливания и повтора этих «Моментов Федерера». Правда, в телепоказе гораздо сложнее уловить, что эти зрелищные удары не берутся ниоткуда, они готовятся на протяжении всего розыгрыша и ровно столько же зависят от умения Федерера манипулировать перемещением оппонента, сколько от умения выбрать направление последнего удара. Понимание того, как и почему Федерер способен заставлять других спортсменов мирового класса действовать по задуманному им сценарию, требует лучшего технического понимания современной игры, чем телевидение способно дать.

Уимблдон – это странное место. Поистине, это Мекка игры, храм тенниса, но было бы гораздо проще поддерживать надлежащий уровень благоговения, если бы турнир не стремился так настойчиво напомнить тебе, что он храм тенниса. Здесь присутствует какая-то особенная смесь закоснелого самодовольства и непрерывной саморекламы. Уимблдон напоминает какого-нибудь деятеля, у которого вся стена офиса заполнена всевозможными значками, дипломами и наградами, и каждый раз, когда ты приходишь в его офис, ты вынужден смотреть на эту стену и говорить что-нибудь о том, как ты впечатлён. Стены Уимблдона, практически каждый более или менее значительный коридор или проход, завешены постерами, фотографиями с ударами чемпионов прошлого, списками фактов и исторических деталей «Уимблдона» и так далее. Кое-что из этого интересно, кое-что просто странно. Например, уимблдонский музей тенниса содержит коллекцию всех возможных видов ракеток, которые использовались на этом турнире на протяжении десятилетий. Так вот, один из плакатов на стене в одном из проходов рассказывает об этой выставке, там есть фотографии и назидательный текст, что-то типа «История ракетки». Вот концовка этого текста (цитата):

«Современные облегчённые ракетки с большими головками, сделанные из материалов космического века таких, как графит, бор, титан и керамика, полностью изменили характер игры. Обладатели мощных ударов с сильным верхним вращением доминируют в теннисе в наши дни. Игроки стиля *serve-and-volley* и те, кто полагаются на точность и тонкость исполнения, практически исчезли».

Это как минимум странно – видеть такой диагноз, висящий здесь на четвёртом году правления Федерера на «Уимблдоне». Ведь швейцарец привнёс в мужской теннис такую степень точности и тонкости, которой в нём не видывали, по крайней мере, со времён Макинроя. Но это всего лишь свидетельство власти догмы. Почти два десятилетия линия партии состояла в том, что современные технологии как в теннисном оборудовании, так и в подготовке спортсменов, превратили теннис из игры быстрых и сбалансированных в игру атлетичных и мощных. Именно эта линия партии и является причиной возникновения современной силовой игры на задней линии. Сегодняшние профессионалы стали заметно больше, сильнее, атлетичнее, а высокотехнологичные композитные ракетки реально расширили их возможности относительно скорости и вращения ударов. Потому источником недоумения приверженцев этой самой догмы является вопрос – каким же образом кто-то, обладающий физическими кондициями Федерера, умудряется доминировать в мужском туре.

Существует три вида адекватных объяснений господства Федерера. Первое включает в себя мистику и метафизику и, по моему мнению, находится ближе всех к истине. Другие имеют большее отношение к технике и созданы в основном для прессы.

Метафизическое объяснение состоит в том, что Роджер Федерер один из тех редких сверхъестественных спортсменов, на которых не действуют, или, по крайней мере, действуют не полностью, законы физики. В качестве примеров можно привести Майкла Джордана, который мог не только прыгать нечеловечески высоко, но и висеть в воздухе вдвое дольше, чем предписывает гравитация, и Мохаммеда Али, который мог, порхая по рингу, нанести 2-3 удара джебом за то время, за которое с точки зрения физики можно нанести только один. Есть, вероятно, полдюжины других примеров с 1960 года. И Федерер входит в число тех, кого можно назвать гениями, мутантами или аватарами. Он никогда не спешит и не теряет баланса. Приближающийся мяч для него висит в воздухе на доли секунды дольше, чем должен. Его движения скорее гибкие, нежели атлетичные. Как Али, Джордан, Марадона и Грецки он кажется одновременно и более, и менее материальным, чем его оппонент. Особенно одетый во все белое, как все ещё требуется на Уимблдоне, он выглядит так, будто (мне кажется) он существо, тело которого состоит одновременно из плоти и света.

Тезис о том, что мяч в воздухе зависает и замедляется, повинувшись воле швейцарца – это настоящая метафизическая правда. Вспоминается один случай. После полуфинала 7 июля, в котором Федерер уничтожил Йонаса Бьоркмана, не просто обыграл, а именно уничтожил, была обычная пресс-конференция. На ней Бьоркман, который дружит с Федерером, сказал, что ему «повезло занять самое лучшее место», откуда можно наблюдать, как «швейцарец играл в практически совершенный теннис». А когда перед пресс-конференцией теннисисты болтали и шутили, Бьоркман спросил Роджера, насколько ненатурально большими ему кажутся теннисные мячи, и на это Федерер ответил: «Примерно как шар для боулинга или баскетбольный мяч». С одной стороны, этой шуткой он скромно пытался поднять настроение Бьоркману, подтверждая, что и сам удивлён тем, как он сегодня необычно хорошо играл. С другой стороны, этими словами он приоткрыл тайну о том, как теннис выглядит для него. Представьте, что вы – человек, обладающий чрезвычайно хорошими рефлексам, координацией и скоростью, и что вы играете в теннис на высоком уровне. В процессе игры в теннис вы не будете осознавать свои феноменальные рефлекс и скорость, но вам будет казаться, что теннисный мяч довольно большой и двигается медленно, и у вас всегда есть много времени, чтобы выполнить удар. Зрители, для которых мячи летают слишком быстро и со свистом, а в полете выглядят размытыми, приписывают вам небывалую скорость и небывалые навыки, но вы-то их не ощущаете.

Скорость восприятия – это далеко не все. Теперь поговорим о технике. Теннис часто называют игрой сантиметров, но это клише в основном относят к точкам падения мячей. С точки зрения игрока, наносящего удар по мячу, теннис скорее игра микронов: малейшие изменения в момент удара будут иметь огромное влияние на скорость и направление полёта мяча. Действует тот же принцип, что и в стрельбе из винтовки – малейшее отклонение при прицеливании может вызвать промах, если цель находится достаточно далеко.

В качестве иллюстрации давайте рассмотрим замедленный повтор. Представьте себе, что вы теннисист и стоите на приёме за задней линией в правом углу. Мяч послан вам под форхенд, вы поворачиваетесь боком к траектории полёта мяча и начинаете отводить ракетку назад, чтобы принять мяч форхендом. Давайте остановим ракетку в точке, когда вы совершили примерно половину движения вверх для удара. Мяч находится на уровне вашего бедра, примерно в 15 сантиметрах от вашей ракетки. Здесь появляются разнообразные варианты. В вертикальной плоскости наклон ракетки на пару градусов вперёд или назад даст вам возможность придать мячу верхе вращение или подрезать его, удерживая ракетку перпендикулярно, вы получите плоский удар без вращения. По горизонтали поворот ракетки чуть влево или вправо, а так же нанесение удара на доли секунды раньше или позже позволит вам ударить либо кроссом, либо по линии. Кроме того, незначительные изменения в движении ракетки определяют, насколько высоко над сеткой полетит мяч, что наравне со скоростью и некоторыми специальными характеристиками замаха влияет на глубину удара, высоту отскока и т.п. Есть также моменты, связанные с тем, насколько близко вы позволили мячу приблизиться к вашему телу, какую хватку вы используете при ударе, насколько согнуты ваши колени, как смещён вес вашего тела, способны ли одновременно следить не только за мячом, но и действиями вашего оппонента. Это все тоже играет свою роль. Плюс, надо учитывать тот факт, что вы приводите в движение не статический объект, а уже

движущийся по направлению к вам и имеющий вращение – особенно учитывая то, что скорости в профессиональном теннисе оцениваются, как невозможные для сознательной реакции. Скорость первой подачи Марио Анчича в среднем превышает 210 км/ч. Расстояние в 23,77 м от его задней линии до вашей мяч преодолевает за 0,41 секунды. Это меньше, чем то время, которое вам понадобится, чтобы дважды быстро моргнуть.

Вывод – профессиональные теннисисты имеют дело с такими временными интервалами, которые не дают возможности действовать осознанно. Таким образом, мы можем в основном полагаться на набор оперативных рефлексов и на чистую физическую реакцию, но не на сознательное мышление. И при этом, эффективный приём подачи зависит от большого набора решений и физических настроек, которые требуют более осознанных и активных действий, чем моргание, мгновенная реакция при испуге и т.п.

Успешный приём сильно поданного теннисного мяча требует того, что иногда называется кинестетическим чувством, которое подразумевает под собой возможность контролировать своё тело и используемые приспособления (ракетка, лыжи и т.д.) в процессе решения сложной системы задач. Существует целый ряд терминов для обозначения различных составляющих этого кинестетического чувства: ощущение, прикосновение, форма, проприоцепция (способность воспринимать положение и перемещение в пространстве собственного тела или его отдельных сегментов), координация тела, координация работы глаз и рук, кинестезия (совокупность процессов, обеспечивающих возникновение ощущений, характеризующих положение различных частей тела человека при перемещении), грация, контроль, рефлекс и так далее. Для многообещающих молодых игроков оттачивание кинестетического чувства является главной целью тяжёлых ежедневных тренировок, о которых мы так часто слышим. В процессе этих тренировок развивается не только тело, но и нервная система. Повторение какого-либо действия тысячи раз день за днём даёт способность совершать «на ощущениях», подсознательно то, что невозможно выполнить осознанно. Регулярные тренировки со стороны могут выглядеть скучными и даже жестокими. Но наблюдателю невозможно почувствовать то, что происходит внутри спортсмена – тончайшие настройки, вновь и вновь, и ощущение эффекта от этих изменений становится все более и более очевидным, даже если эти изменения ускользают от обычного сознания.

Часть третья

Время и уровень дисциплины, необходимые для серьёзных кинестетических тренировок – это одна из причин, почему топ-профессионалы посвящают теннису большую часть своих жизней, начиная с раннего подросткового возраста (как минимум). Например, в 13 лет Роджер Федерер окончательно расстался с футболом и детством и начал тренироваться в швейцарском национальном теннисном центре. В 16 он бросил учёбу и начал ездить по соревнованиям на серьёзном международном уровне.

Спустя несколько недель после расставания со школой Федерер выиграл юниорский «Уимблдон». Очевидно, такое под силу не каждому юниору даже из тех, кто посвящает свою жизнь теннису. И также очевидно, что для этого требуется нечто большее, чем время и подготовка – нужен огромный талант в разных его проявлениях. Чтобы годы тренировок окупались, у ребёнка должны присутствовать выдающиеся кинестетические способности... Если они есть, то при помощи времени и труда молоко превратится в масло. Итак, одно из возможных технических объяснений превосходства Федерера – то, что он немного более других одарён кинестетически. Только немного, поскольку все остальные в Топ-100 тоже, безусловно, не обделены этим даром – но ведь известно, теннис – это игра сантиметров.

Версия кинестетической одарённости похожа на правду, но не даёт полного ответа. Уже в 1980 году этим талантом невозможно было объяснить всё, а уж сейчас, в 2006, совершенно оправдан вопрос – почему этот вид одарённости по-прежнему значит так много? вспомните про догму и плакат в коридоре Уимблдона. Виртуоз кинестетики или нет, но Роджер Федерер сейчас доминирует в туре, состоящем из самых крупных, самых сильных, самых натренированных и обученных профессионалов, которые когда-либо существовали.

При этом каждый из них пользуется, можно сказать, ядерной ракеткой, которая сводит все тонкие преимущества кинестетического чувства на нет – это как пытаться просвистеть Моцарта во время концерта «Металлики» – кто ж тебя услышит?

Надёжные источники рассказывают нам историю почётного участника жеребьёвки Уильяма Кейнса. Когда ему было два с половиной, мать нашла шишку на его пузике и отвела ребёнка к доктору. Эта шишка оказалась злокачественным новообразованием печени. Такое просто невозможно представить – крошечный ребёнок переносит химиотерапию, серьёзную химиотерапию – его мать вынуждена смотреть на все это, она забирает его домой, нянчит его, а потом несёт обратно туда, где ему опять делают химиотерапию. Как она должна была отвечать на вопрос ребёнка, самый главный и самый очевидный? И кто мог ответить на её вопросы? Что мог сказать любой священник или пастырь, чтобы это не показалось абсурдом?

Итак, Надаль ведёт 2:1 во втором сете в финале, и он подаёт. Федерер выиграл первый сет под ноль, но потом слегка расслабился, как с ним иногда бывает, и быстро получил брейк. Сейчас у Надаля «больше», идёт розыгрыш из 16 ударов. Надаль подаёт гораздо быстрее, чем в Париже, и сейчас подача идёт по центру. Федерер посылает мягкий форхенд высоко над сеткой – он может позволить себе такую вольность, потому что Надаль никогда не входит в корт сразу после подачи. Теперь испанец выполняет свой обычный перекрученный форхенд глубоко под лево Федереру. Федерер отвечает ещё более перекрученным бэкхендом, ударом почти грунтового арсенала. Это неожиданно, мяч приземляется чуть позади Надаля, поэтому он отвечает слабо и коротко и попадает в пересечение линии подачи и центральной линии под форхенд Федереру. Играя против большинства других соперников, в такой ситуации Федерер мог бы с лёгкостью закончить ударом навывлет, но проблема с Надалем состоит в том, что он быстрее, чем другие, и достаёт то, что они не могут. Поэтому Федерер просто посылает плоский диагональный форхенд средней силы, не предназначенный для мгновенного выигрыша – это такой низкий и неглубокий удар, который вынуждает Надаля выходить вперёд и забегать под бэкхенд. Итак, Надаль на бегу отвечает бэкхендом по линии Федереру под лево, Федерер вновь подрезает по этой же линии медленным плавным ударом с обратным вращением, заставляя Надаля возвращаться в ту же самую точку. Надаль тоже отвечает резаным по той же линии – уже три удара по одной линии. И Федерер вновь бьёт в ту же самую точку, на этот раз ещё более медленно, ещё более плавно. Надаль останавливается и бьёт опять по той же линии – сейчас Надаль окопался на правой стороне корта, между ударами он не возвращается к Центральной линии. Федерер слегка загипнотизировал его. А вот теперь Федерер выполняет очень сильный глубокий бэкхенд с верхним вращением под лево Надаля. Надаль достаёт и отвечает диагональным форхендом. Следующий ход Федерера – ещё более сильный и глубокий диагональный бэкхенд, настолько быстрый, что Надаля приходится выполнять форхенд с опорой на правую ногу. Потом ему надо сгруппироваться и бежать обратно в центр, потому что мяч приземляется примерно в полуметре от задней линии Федереру под бэкхенд. Федерер подходит к этому мячу и выполняет совершенно другой диагональный бэкхенд – гораздо короче, под более острым углом, такой мощный и закрученный, что он приземляется прямо у боковой линии и после отскока сохраняет скорость и силу. И Надаль не может ни срезать его, ни бежать за ним по задней линии из-за его угла и вращения. Конец розыгрыша. Это очень зрелищный удар, тот самый «Момент Федерера». Но когда смотришь это вживую, ты понимаешь, что этот удар был подготовлен четырьмя или пятью ударами раньше. После самого первого резаного по линии все было спроектировано швейцарцем, чтобы манипулировать Надалем, успокоить его, сбить с ритма и баланса и оставить беззащитным перед этим последним невообразимым мячом, угол полёта которого был бы невозможен без чрезвычайно мощного верхнего вращения.

Мощное верхнее вращение – это отличительный знак современной силовой игры на задней линии. В этом тот самый плакат на «Уимблдоне» абсолютно прав. Впрочем, не для всех понятно, почему верхнее вращение имеет такое ключевое значение. Общее мнение состоит в том, что высокотехнологичные композитные ракетки сообщают мячу большую скорость, ну, как, например, алюминиевые бейсбольные биты по сравнению со старыми добрыми деревянными. Но это не полная правда. На самом деле, при той же самой силе

натяжения струн композитная ракетка легче деревянной. Таким образом, современная ракетка на несколько десятков грамм легче, и её головка на несколько сантиметров шире, чем у старинных Kramer или Maxply. Определяющей является именно ширина головки. Это означает, что струнная поверхность больше, а соответственно больше и зона, благоприятная для удара. С композитной ракеткой нет необходимости встречать мяч точным геометрическим центром струнной поверхности, чтобы придать мячу высокую скорость. Точно так же дело обстоит и с верхним вращением, для которого ракетка должна быть наклонена и должна двигаться вверх, скорее причёсывая мяч, чем ударяя по нему плоско. Всё это очень сложно сделать деревянной ракеткой с маленькой головкой и очень ограниченной зоной удара. Более лёгкие и широкие композитные ракетки позволяют игрокам делать более быстрый замах и придавать мячу большее вращение. А чем больше вращение прикладывается к мячу, тем сильнее можно выполнить удар, потому что есть большой запас для ошибки – ведь благодаря топ-спину, мяч проходит высоко над сеткой, описывая острую дугу и быстро опускается на стороне соперника (без вращения он просто ушёл бы в аут).

Итак, основной вывод состоит в том, что композитные ракетки создают возможность для верхнего вращения, которое, в свою очередь, позволяет выполнять удары с отскока быстрее и сильнее, чем 20 лет назад. Теперь теннисисты профессионалы отрываются от покрытия и наносят удары, находясь наполовину в воздухе, придавая, таким образом, этим ударам большую силу. В прежние годы такое можно было увидеть только в исполнении Джимми Коннора.

Коннорс, между прочим, не был создателем силовой игры на задней линии. Он действительно сильно бил с задней линии, но его удары были плоскими и без вращения, и мяч проходил очень низко над сеткой. Да и Борга нельзя считать отцом современной игры на задней линии. И Борг, и Коннорс использовали особую версию классической игры на задней линии, которая была изобретена как противодействие ещё более классической игре в стиле *serve-and-volley*, доминировавшей в мужском теннисе десятилетиями. Ярчайшим современным представителем её являлся Джон Макинрой. Вы наверняка знаете всё это, так же, как и то, что Макинрой сверг Борга с престола и с переменным успехом доминировал до середины 1980-х годов, когда появились:

- а) композитные ракетки;
- а) Иван Лендл

Именно Лендл играл ранней модификацией композитных ракеток и может считаться истинным родителем силовой игры на задней линии.

Иван Лендл был первым топ-профессионалом, удары и тактика которого строились именно на особых возможностях композитных ракеток. Его цель состояла в том, чтобы выигрывать очки на задней линии либо с помощью обводящих ударов, либо с помощью ударов на вылет. Его оружием были удары с отскока, особенно форхенд, который он выполнял с убийственной скоростью благодаря мощному вращению, придаваемому мячу. Именно сочетание скорости и верхнего вращения позволяло Лендлу делать то, что стало решающим фактором для появления силовой игры на задней линии. Он мог совершать свои сокрушительные мощные удары под любыми углами, главным образом потому, что мяч, снабжённый вращением, с огромной скоростью «ныряет» на стороне соперника, не уходя в аут по ширине. В дальнейшем это изменило всю «физику» атакующего тенниса. На протяжении десятилетий именно углы делали игру в *serve-and-volley* такой убийственной. Чем ближе игрок к сетке, тем более открыта для него половина корта оппонента. Таким образом, классическое преимущество этого стиля состояло в том, что, играя слёта, можно было выполнять удары под такими углами, которые были бы невозможно при игре с задней линии – потому, что в этом случае мяч просто не попадал бы в корт по ширине. Но верхнее вращение, если оно действительно сильное, заставляет мяч приземлять настолько быстро и настолько неглубоко, что при ударах с отскока становится возможным использование тех же углов, что и в игре слёта. Особенно, если удар, на который вы отвечаете, достаточно

короткий – чем короче удар, тем больше количество углов, под которыми вы можете на него ответить. Скорость, верхнее вращение и острые углы ударов с задней линии – и вот она, современная силовая игра.

Я не могу сказать, что Иван Лендл входит в число величайших теннисистов. Он просто был первым, кто смог продемонстрировать, чего можно добиться на задней линии, используя верхнее вращение и грубую силу. И самое важное, что все в этом стиле, в том числе и композитные ракетки, не является уникальным, а вполне подлежит тиражированию. Главными требованиями для овладения этим стилем игры являются атлетизм, напор, превосходная физическая сила и выносливость, конечно, при условии наличия определённой доли таланта и подготовки. Результатом (за некоторыми вариациями и исключениями) стал мужской профессиональный теннис последних 20 лет – все более крупные, сильные и мощные атлеты, выполняющие удары с отскока с беспрецедентной скоростью и верхним вращением, чьей главной целью является дожидаться от соперника слабого или короткого удара, после которого они могут сыграть на вылет.

Показательная статистика: когда Ллейтон Хьюитт обыграл Давида Налбандяна в финале «Уимблдона»-2002, не было сыграно ни единого розыгрыша в стиле *serve-and-volley*.

Сложившийся в результате силовой стиль игры на задней линии нельзя назвать скучным – во всяком случае, он интереснее, чем 2-секундные розыгрыши в старом *serve-and-volley* или вялой перебрасывание мяча классической школы игры на задней линии. Да, такая игра в какой-то степени статична и ограничена, и все же это не то, чем нас годами пугали учёные мужи – это не окончательная точка развития тенниса. И человек, который демонстрирует это – Роджер Федерер. Причём, он показывает это в рамках той самой современной игры.

Здесь очень важно именно то, что он делает это В РАМКАХ современной игры. Это следует понимать и тем, кто думает о спорте в терминах «сила и мощь», и тем, кто предпочитает «тонкость и хрупкость». В случае Федерера это не является чем-то «или-или». Швейцарец обладает в полной мере скоростью ударов с отскока Лендла и Агасси, он отрывается от земли при замахе и может выбить с корта даже Надаля. Именно поэтому печальный тон того плаката на «Уимблдоне» является странным и неправильным. Тонкость, ощущение и лёгкость не умерли при наступлении эры мощной игры с задней линии. Потому что и сейчас эта эра продолжается, и Роджер Федерер – это первоклассный, убийственный игрок задней линии. Но не только. Его игровой интеллект, его особая интуиция, его чувство корта, его умение читать и манипулировать оппонентом, сочетать вращения и скорости, запутывать и маскироваться, использовать тактическое предвидение и периферическое зрение, его кинестетическая тонкость вместо простой механической скорости – всё это расширяет границы и возможности современного мужского тенниса.

Это звучит высокопарно и красиво, конечно, но, пожалуйста, поймите, для этого парня это не является высокопарностью или абстракцией. Или красотой. Так же, как Лендл утверждал свой игровой стиль опытным путём, доминируя в мужском теннисе, Роджер Федерер на деле показывает нам, что скорость и сила современной игры – это только её скелет, но не плоть. Выражаясь фигурально, он дал мужскому теннису новое тело, и впервые за многие годы будущее игру не предсказуемо. Вы, возможно, наблюдали, сидя где-нибудь на второстепенных кортах, каким пёстрым карнавалом был юниорский «Уимблдон» этого года. Укороченные слёта и смешанные вращения, медленные подачи, комбинации, задуманные на три удара вперёд – и все это соседствовало со ставшими уже привычными криками и мощными ударами. Есть ли среди этих юниоров новый Федерер, конечно, неизвестно. Гений уникален. Вдохновение, однако, заразно и многообразно. И порой, для того, чтобы обрести вдохновение и гармонию, надо просто вживую увидеть, что мощь и агрессия могут быть уязвимыми перед лицом красоты.

Примечание.

Прямым переводом названия этого очерка (эссе) является: “Роджер Федерер как религиозный опыт”. Переводчик Юлия Ниткина посчитала, что духовный (англ. – *spiritual*) более соответствует его содержанию.

Впервые был опубликован в журнале «PLAY» (спортивное приложение к журналу «New York Times») после окончания турнира «Уимблдон-2006». Четыре года спустя, швейцарское издательство «Edizione Casagrande Bellinzona» выпустило книгу на итальянском языке.

Американский писатель Дэвид Фостер Уоллес, известный всему миру своим бестселлером “*Infinite Jest*” (вошёл в число 100 романов всех времён, содержит более 1400 страниц, на русский не переведён), покончил жизнь самоубийством в 2008 году.